

© 2010 г. В.И. Бацуев

ВОЗМОЖНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

Рассматривается проблема обеспечения справедливости судебного акта. Справедливость рассматривается не только с точки зрения формальных признаков судебного решения: законности, обоснованности, но и с точки зрения объяснения содержания решения, его мотивировочной части и обеспечения такого ведения процесса, которое позволяет сторонам создать все условия для объяснения своих юридических позиций.

Ключевые слова: судебная власть, мировой судья, судоустройство, судебная система, судебный акт, правосудие.

Справедливость в судебной практике определяется из совокупности юридических предписаний, выступая одним из критериев судебного усмотрения. Критерий справедливости отличает правовое судебное решение от санкционированного произвола. Предварительно пройдя через сознание, правовые отношения выражаются в практической деятельности людей и, таким образом, обретают юридический характер. В этой связи можно говорить о том, что вне зависимости от характера, ключевое значение при реализации складывающихся в суде (независимо то стадии процесса) отношений, приобретает принцип справедливости. Общесоциальный характер этих отношений отражается в формах ориентации сознания, его готовности принять те или иные правовые установки. По разделяемому нами мнению Н.А. Коржаевой, можно выделить два основных типа ориентации:

1. когнитивные ориентации людей;
2. аффективные ориентации (предпочтения) [1].

К когнитивным ориентациям относятся знания о правовой сфере и осведомленность о происходящих в суде правовых событиях. Когнитивная составляющая правовой культуры человека формируется как пассивно (в процессе социализации), так и активно (когда человек самостоятельно, сознательно и целенаправленно интересуется правом и правоприменением). Уро-

вень осведомленности граждан может рассматриваться как один из показателей эффективности деятельности государственных социализирующих органов, а также как предусловие сознательно-активной гражданской позиции. Нам представляется, что сфера пассивного восприятия, определяющего правовое сознание, первичные точки ориентации всей системы поведения человека достаточно изучена за последние 10-15 лет. Мы можем привести в качестве примеров работы С. Л. Франка [2]; Г. Н. Манова [3]. Безусловно это направление знания расширили работы П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. Обобщенно можно выделить несколько основных положений, определяющих сознание населения.

Аффективные ориентации конструируются на основе чувств и эмоций. Люди, как правило, оценивают происходящее в суде с субъективной точки зрения по шкале типа «хорошо/плохо (для меня лично)», а на основе этих оценок формируется отношение к правовому событию. Аффективная составляющая едва ли не самая важная. Уже само название (англ. affective происходит от глагола to affect трогать, волновать, затрагивать, задевать интересы) говорит о том, что эта часть культуры, касаясь приватной сферы, отражает наиболее значимые, «болевые» точки соприкосновения граждан и мирового суда. Она чаще других проявляется в актуальном поведении граждан и отношении его к судебной системе в целом. Эта «проблемность» ситуации определяется более или менее напряженным несоответствием индивидуальных или групповых ожиданий среде жизнедеятельности. При этом граница между системой действия и средой полагается «изнутри» и зависит от локуса контроля, например, проблемная ситуация может возникать как несоответствие требований индивида к самому себе. В понятие проблемной ситуации включаются целеполагание, представление о ресурсах, необходимых для достижения цели, техники решения задач. Данная схема в общих чертах совпадает с парсонсовской интерпретацией единицы действия (unit act) [4, с. 21]. В формировании аффективных ориентаций большую роль играют представления о судебной системе. Они, во-первых, существуют в массовом сознании как архетипические представления, и наследуются новыми поколениями. Во-вторых, они существуют, формируясь во взаимодействии с судебной системой лично, через знакомых, родственников и т.п.

Вполне очевидно, что два типа диспозиционных ориентаций (когнитивная и аффективная) тесно взаимосвязаны. Адекватное восприятие судебной системы, основанное на объективных знаниях и хорошей информированности, способствует изменению отношения к судебной системе. В свою очередь, верования, сложившиеся социальные стереотипы заставляют людей отбирать и воспринимать только «удобную», не противоречащую их эмоциональному состоянию, информацию. При возрастании доли одной составляющей, доля второй автоматически уменьшается. Преобладание рациональности или эмоциональности определяет тип господствующей правовой культуры. Случается, что фактические знания и правовые предпочтения находятся в логическом противоречии. Устойчивому когнитивному элементу противостоит не менее сильная аффективная ориентация. Вместе с тем, для юридических отношений характерны принудительность, соподчиненность, общезначимость. Это качественно отличает их от любых моральных ориентаций, для которых характерны необязательность и субъективность. Юридические отношения не существуют независимо от сознания лица, они непосредственно связаны с ним. Это положение подчеркивает природу правовых отношений, которая указывает на то, что процесс их складывания непосредственно обусловлен сознанием человека. Формальность, абстрактность, унификация и стандартизация отношений нормами права зачастую означает трудность их усвоения индивидом, поскольку такая форма не имманентна сознанию. Потому субъективно желаемое право может не совпадать с правом позитивным, с позицией мировой судьи, другого участника отношений в мировом судопроизводстве. Учет социальной составляющей мировым судьей при вынесении судебного акта обуславливает социальную значимость решения, но в то же время является основанием использования информационно-правовых, коммуникационно-правовых и организационных ресурсов мирового судьи. Таким образом, возникает необходимость в их существовании в практике деятельности мирового судьи.

В основе юридических отношений в мировом судопроизводстве, по нашему мнению, лежит с одной стороны, публичное начало, в основе которого позитивное право, т.е. совокупность материальных и процессуальных норм, особенности социально-правового положения мирового судьи, как государственного органа. Здесь мы понимаем в том числе и потенциал принудитель-

ных государственно-властных полномочий мирового судьи, а так же включенность его в систему органов государственной власти и управления. С другой – комплекс правовых взглядов, идей, представлений, сформированных у мирового судьи и граждан «до» и «на» момент обращения в суд. Сталкиваясь с новой личностью и правовой ситуацией, мировой судья так же совершает определенные действия и вступает в новые для него отношения. Однако особенности его правового статуса и обязанности, в отличие от иных лиц, участвующих в деле, ограничивают свободу воли мирового судьи. Опора мирового судьи на закон гарантирует права граждан, поскольку они имеют государственный характер не зависимо от их содержания. Законодатель предполагает, что решение является законным и обоснованным, если оно вынесено в строгом соответствии с подлежащим применению по делу нормами материального права и при точном соблюдении норм процессуального права. Этим определяется ценность и истинность решения. Требования мирового судьи направлены на соответствие свойств и качеств решения требованиям норм процессуального и материального права. Это следует из самого требования к решению, в котором должны быть указаны нормы процессуального и материального права, которыми руководствовался мировой судья при вынесении решения, изложены все имеющие для дела обстоятельства, всесторонне и полно выясненные в судебном заседании, изучены доказательства в подтверждение доводов об установленных обстоятельствах, правах и обязанностях сторон.

Мировой судья ответственен за решение и потому, обладая специфическим правовым статусом, не может использовать не формально-догматическое понимание права. Действительно, при рассмотрении дела мировой судья должен обеспечить принципы объективности, гуманизма, равенства сторон и другие одновременно. Данное условие обеспечивается, во всяком случае это формально признается сегодня, буквальным следованием букве закона. То есть происходит так называемое позитивное мышление, а это и есть метод. Изменение метода на любой другой повлечет изменение мыслительных приемов, а значит и изменение навыков, необходимых в процессе. Характерно высказывание: «Правовое высказывание – есть суждение, предполагающее, что в соответствие с тем или иным законодательством за некоторым событием должны наступить (но могут и не наступить) определенные

последствия.... Например, если есть причинение смерти, то это убийство. На первый взгляд существует логическая связь между двумя фактами. Но это связь не логическая, а нормативная, так как первый факт относится к миру сущего, а второй – к миру должного, идеального. Логическая связь предполагает необходимое. О том, является ли факт убийством – скажет судья» [5, с. 80]. Поскольку в основе методологии деятельности мирового судьи по разрешению правового спора всегда лежит понимание и осмысление судом правовой действительности, как отражение объективных закономерностей в правовой жизни лиц, участвующих в деле, постольку такой метод предполагает субъектно-объектную гносеологию. Субъектно-объектная гносеология, являющаяся основой строгого научного позитивизма, предполагает объяснение правовой реальности, то есть такой операции мышления, как дедуктивное умозаключение в которой одной общей посылкой является утверждение об универсальной связи вещей, а другой – утверждение о начальных условиях того или иного явления и понимание ее – утверждение о том, что должно быть оценено при наличии конкретной ситуации [5, с. 38]. В рамках материального и процессуального права мировой судья может использовать только классическую рациональную парадигму правового мышления: правовая реальность – это объективная реальность; правовое мышление – это способ изменения этой реальности; судебный акт – результат осмысления этой реальности, представляющий собой знание о правильном в конкретной изученной ситуации. Таким образом, мировой судья, как личность, превращен в строго контролирующего себя объекта отношений, одновременно являясь субъектом, способным превратить в объект правовые явления, которые предложены ему на разрешение. Отсюда вытекает, что в идеальной модели отношений мировой судья информационно-правовых, коммуникационно-правовых и организационных отношений быть не должно.

Между тем, они присутствуют. Их наличие мы можем объяснить двумя факторами. Мы разделяем точку зрения П.Бергера и Т. Лумана о том, что идея «социального порядка» в том смысле, в каком лицо, обращающееся к мировому судье понимает нормальное для него положение вещей, есть продукт человеческой деятельности, развивающийся не по законам природы или природы вещей вообще, а на основе «человеческой экстернализации и деятельности» [6, с. 88-89]. Закон, как санкционированная форма поведения при

этом играет роль, однако норма воспринимается, как авторитетная и проявляется лишь в том качестве, в каком она не противоречит сложившемуся у стороны пониманию социального порядка. Любое взаимодействие в мировом судопроизводстве можно рассматривать как модель взаимодействия смыслов. Под смыслом мы понимаем осмысление (субъективную рефлексию) социальных отношений. Естественно, что мировой судья (в силу институционального характера деятельности) может в большей степени видеть юридическое содержание смысла, а индивид, обратившийся в суд – социальное и нравственное. Такое столкновение смыслов может повлечь конфликт, разрешение которого возложено именно на мирового судью, в обязанности которого, таким образом, входит создание алгоритма превращения социального смысла в правовой. В связи с этим, деятельность мирового судьи институциональна, поскольку это – типизация действий, а индивида – не институциональна. Мотивационная составляющая деятельности мирового судьи – интерпретация правовой реальности, а индивида – институционализация собственного опыта (мы должны пояснить, что получить защиту права, как мотив – презюмируется). В основе смысла у мирового судьи – правовое содержание, у индивида – социальное. И проблема имеет основанием взаимодействие смыслов. Второе объяснение, которое мы предполагаем, это невозможность абсолютного самоконтроля. В ходе познания правовой ситуации мировой судья руководствуется своим индивидуальным опытом социальной жизни, представлениями и пониманием справедливого – несправедливого. Однако такое понимание, являясь фоном, задает исходную шкалу значений из которого исходит познание. Это означает возможность иметь самостоятельную, в смысле присущую только данной индивидуальности, точку зрения на правовую реальность. Мышление мирового судьи есть акт интерпретации события, посредством которого правовая реальность становится объективной и происходит ее объяснение себе, понимание в контексте конкретной ситуации.

Таким образом, мышление мирового судьи идет в двух направлениях: во первых, предполагает освоение социально-правовой действительности. Этот процесс не может рассматриваться только в рамках правовой или только в рамках социальной действительности. Тому есть две причины. Первая – методологическая. Только правовой инструментарий приводит к тому, что объект правового исследования будет вычленен в качестве самостоятельного

из ряда тех разнообразных закономерностей, с которыми он связан. Такая предметная связь предполагает вычленение из индивидуальности – индивида, наделенного только теми чертами, которые необходимы и достаточны для правовой оценки. Но вместе с тем, вычленение только правовых аспектов недостаточно для вынесения законного и обоснованного решения, поскольку не позволяет учесть обстоятельства, хотя и лежащие в области социальных отношений, но необходимые для судебного акта. Вторая причина нормативно-правовая. Сама конструкция закона предполагает учет социальной составляющей. Такие нормы имеются и в материальном и в процессуальном законодательстве. Второе направление мышления мирового судьи отражает его духовную составляющую, наряду с правовым сознанием, культурой, юридическими знаниями. Оно связано с эмоционально-волевой гранью правового сознания, правовым ощущением. Достаточно полно эта часть мышления мирового судьи описана Л. Петражицким, которая касается феноменологического описания правового сознания. Л. Петражицкий говорил об эмоциональных переживаниях, как об «эмоционально-волевых сочетаниях» [7, с. 31]. Отметим, что мировой судья не должен опираться на это состояние и, более того, его эмоции могут влиять на его решения.

Исходя из сказанного, саморефлексия мирового судьи должна быть направлена на самоизоляцию личности мирового судьи для исполнения функции правосудия. Рассмотрим объекты функционального внимания мирового судьи в социально-волевом и юридическом аспекте. Социально-волевой аспект определяет механизм передачи власти от властвующего в подвластному. Он является элементом более общей системы обеспечения демократичности власти. Согласно Конституции РФ, абсолютным источником власти является народ, который осуществляет полномочия в полном объеме. Но народ не может исполнять весь объем власти непосредственно и повсеместно, то часть функций делегируется, чтобы авторитетом и волей народа представлять его интересы. Итак, мировой судья, обеспечивая функционирование судебной власти на территории его юрисдикции, должен обеспечить организационный, универсальный и предметный характер действия судебной власти. В этом смысле, действия мирового судьи представляют собой обеспечение социального управления правовыми средствами мировой юстиции [8, с. 8]. Суд, и мировой суд в том числе, является цивилизованным средством соци-

ально-правового регулирования в области налаживания согласованного поведения субъектов в рамках законности [9, с. 34]. В мировом суде рассматриваются споры, во многом очевидные для сторон, поэтому особенно важно не только обеспечение справедливости судебного акта, но и объяснение справедливости судебного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коржаева Н.А.* Типологические особенности анализа компонентов политической культуры // интернет-журнал «Ломоносов» <http://www.nature.ru/db/author.html>
2. *Франк Л. С.* Духовные основы общества. М., 1992.
3. *Манов Г.Н.* Теория государства и права М., 1996.
4. *Мазлумянова Н. Я.* К методологии исследования проблемных ситуаций. М., 2004.
5. *Овчинников А. И.* Герменевтика в правовой парадигме. Ростов н/Д., 2004
6. *Бергер П., Луман Т.* Социальное конструирование реальности М., 1995.
7. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб. 1969.
8. *Алехин А.П., Козлов Ю.М.* Административное право РФ. Ч.1., 1994.
9. *Зайцев И.М.* Судебная власть в гражданском процессе // Российская юстиция. 1994. №8.

***Ростовский
юридический институт***

16 июля 2010 г.